

DOI 10.35264/1996-2274-2022-1-137-150

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Б. Логунов, дир. центра ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, канд. воен. наук, *logunov@extech.ru*

В.И. Карпенко, гл. аналитик ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, *cspp@extech.ru*

Рецензент: *Н.А. Молчанов*

В статье содержится ретроспективный анализ идеологических основ современного исламского терроризма и его проявлений в Российской Федерации с последующим определением концептуальных основ антитеррористической деятельности.

Ключевые слова: идеология, религия, экстремизм, террор, терроризм, антитеррор, ислам, исламизм, фундаментализм, ваххабизм, джихад.

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN ISLAMIC TERRORISM AND ITS MANIFESTATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A.B. Logunov, Director of the Centre, SRI FRCEC, Doctor of Military Sciences, *logunov@extech.ru*

V.I. Karpenko, Chief Analyst, SRI FRCEC, *cspp@extech.ru*

The article contains a retrospective analysis of the ideological foundations of modern Islamic terrorism and its manifestations in the Russian Federation, followed by the definition of the conceptual foundations of anti-terrorist activities.

Keywords: ideology, religion, extremism, terror, terrorism, anti-terror, Islam, Islamism, fundamentalism, Wakhabism, jihad.

Идеологической основой современного терроризма является националистический и религиозный экстремизм. В конце XX – начале XXI в. на первый план вышел экстремизм религиозного мусульманского толка, боевым крылом которого выступает исламский терроризм¹, в настоящее время охватывающий целые континенты. Пример – «Великая исламская дуга нестабильности»: единый мировой фронт исламского террора, простирающийся от Алжира до Филиппин, захватывающий и Северо-Кавказский регион России. В эту непрерывную линию входят более сотни террористических организаций и деструктивных сект.

¹ Важно сделать небольшое пояснение о некорректности употребления собственно термина «исламский терроризм». Когда говорят, что ислам порождает терроризм, клеймо терроризма ложится на весь мусульманский мир. Правильнее, безусловно, говорить об «исламистском терроризме» и «исламистах» или о «терроризме под прикрытием ислама». Добавим, что международный экстремизм апеллирует к лозунгам ислама, использует их в своих политических целях. И здесь уместна параллель с германским фашизмом: Гитлер и его единомышленники сыграли для немцев ту же роль, какую играет в наше время терроризм для мусульман – они предают истинные интересы своих народов, хотя на словах взывают к этим интересам.

Несмотря на вышесказанное, далее сознательно будет применяться термин «исламский терроризм» как наиболее точно соответствующий лукавой сущности его сторонников, «подстраивающих» ислам «под себя». Данный посыл подтверждают события недавнего прошлого России, в которых впервые проявились идеологические основы современного исламского терроризма.

Дуга охватывает большую часть мировых сырьевых ресурсов, а также транзит глобальных потоков наркотиков, и является одним из направлений ведения информационной войны.

С распадом СССР на постсоветском и постсоциалистическом пространстве возникли конфликты на межнациональной и религиозной основе (Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Крым, Южная Осетия и т. п.). В этот период сепаратизм и национализм, в том числе и в форме самопровозглашенного государственного отделения, был принят руководящей элитой как элемент демократических преобразований. Эта ошибочная политика повлекла за собой кровавые вооруженные конфликты и позволила радикальному исламу создавать анклав международного терроризма. На территории России эта проблема возникла и наиболее наглядно проявилась в Северо-Кавказском регионе.

Ряд горных даргинских сел Дагестана 16.08.1998 провозгласил создание «отдельной исламской территории», на которой отменялись законы Российской Федерации и Республики Дагестан и вводились законы шариата. Далее на территории Северного Кавказа подобные примеры росли с трагической быстротой. Фон этих событий, в частности в Дагестане, определил экс-секретарь Совета безопасности республики, заслуженный летчик-испытатель России Магомед Толбоев: «В 1978 г., насколько мне известно, так называемых ваххабитов, или сторонников чистого ислама, в Дагестане было человек шесть-семь. Прошло 20 лет, и их стало 12 тыс. Они укрепились в финансовом положении. Получают большие деньги из-за рубежа. И это очень убежденные люди... Ваххабиты проживают в основном в Центральном Дагестане и полностью контролируют республику с севера на юг. Их окружают горы и лесные массивы, где легко вести партизанские действия. Их сразу поддержат Басаев и Хаттаб, которые имеют примерно 2,5 тыс. человек, находящихся в постоянной боевой готовности. Для них марш-бросок до Карамахи займет три часа. А потом придут ваххабиты из Афганистана, Пакистана, Турции, Иордании, Судана и Египта. Они привезут с собой деньги и оружие» [1].

«Больше всего ваххабитов в Дагестане – около 30 тыс. человек. В Ингушетии примерно 10 тыс. В числе наиболее проблемных республик региона – также Кабардино-Балкария. Высокий процент радикалов среди мусульман в Ставропольском крае», – сообщил исламовед Роман Силантьев корреспонденту портала «Интерфакс-Религия» [URL: www.interfax-religion.ru (дата обращения: 11.04.2022)] на презентации сборника фантастики «Антитеррор-2020», прошедшей в мае 2011 г. в пресс-центре «ИНТЕРФАКС» (г. Москва).

«В целом доля ваххабитов в российском исламе – около 5%, на Северном Кавказе – 10–15%. В тот момент, когда их будет более 40%, можно считать, что они уже победили», – заявил исламовед.

Касаясь вопроса степени радикализации представителей исламского духовенства, он отметил, что отдельной статистики нет, но выразил мнение, что «гораздо меньше половины». В то же время, сказал Р. Силантьев, есть мнение, что в среде религиозных деятелей процент радикализации выше, чем среди простых мусульман, «потому что ваххабиты в первую очередь работают с духовенством, и высок процент имамов, им сочувствующих. При этом многие имамы проповедуют экстремистские взгляды «из страха за свою жизнь, подвергаясь прессингу со стороны бандитов», – утверждал эксперт.

Еще в октябре 1998 г. Москва, Ташкент и Душанбе приняли тройственную Декларацию о координации усилий с экстремистскими течениями в исламе. Глава МВД России, выступая в Ташкенте, заявил: «...ваххабизм и для России уже не умоглядная проблема...» (01.07.1998 Верховный суд Узбекистана вынес приговор восьми членам экстремистской исламской группировки из Наманганской области. В нем, в частности, говорилось: «...ваххабиты добивались отделения Ферганской долины от Узбекистана, чтобы создать здесь свое государство»).

Сказанное выше иллюстрирует наличие синхронной активизации религиозно-политических движений определенной направленности в странах мусульманского ареала от Марокко до Индонезии, от Судана до Татарстана и шире, – от второй половины XX в. до начала XXI в. (учитывая, в частности, что труды идейного предтечи «радикального ислама» и основателя

общества «Джамаатуль-ислам» Абу Аля Маудуди или создание египтянином Хасаном Аль-Банна организации «Братья-мусульмане» относятся к первой половине XX в.) [4, 13].

При всем размахе новейших явлений в мире ислама для них до сих пор не существует общепринятых понятий. Используемые термины: «фундаментализм», «возрожденчество», «радикализм», «интегризм», «исламизм» (последнее близко к арабскому самоназванию «аль-ислабийюн») – не являются ни общезначимыми, ни бесспорными. Иначе говоря, мы наблюдаем попытки вторичной исламизации ислама в странах мусульманской культуры конца XX – начала XXI в.

«Вторичность» феномена в том, что вторичный опыт исламизации ислама в современных условиях отчетливо тяготеет к общественно-политической сфере, а не к духовно-богословской, к области идеологии, а не к области духовного самоуглубления веры. Конечно, новейшие тенденции в мире ислама не лишены теологической глубины, но существеннее другое: события в Татарстане, Башкирии, Северо-Кавказском регионе России, Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, странах Магриба и Европы демонстрируют, что новейшие общественно-политические течения, выступающие под флагом ислама, ведут к саморасширяющемуся насилию, трансформируются в действия подрывного характера по дестабилизации существующих государственных образований. И особенно важно, что исламисты, говорящие от имени «чистого» ислама, переходят к террору и физическому истреблению «неправильных» мусульман, не приемлющих навязываемого им силой нового символа веры, отторгающих не только из-за отторжения насилия, но и в силу несогласия с извращением религии, ибо сказано в Коране: «Нет принуждения в вере» (сура ал-Бакара, аят 257).

Как известно, мусульмане предпочитают не употреблять терминов «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм». Они используют термин «аль-ислабийюн» (исламисты), имея в виду тех, кто выступает за реисламизацию общественно-политической жизни и государственно-политического устройства в мусульманских странах, которые, с точки зрения исламистов, нуждаются в реформировании по критериям «чистого» ислама [19]. В этих случаях реисламизация предполагает борьбу за то, чтобы шариат (буквально: «прямой путь»), т. е. закрепленные Кораном и сунной предписания, стал единственным законодательным основанием всей частной и публичной жизни.

Таким образом, исламизм можно определить как новейшее религиозно-политическое движение протеста в странах мусульманской культуры, направленное против глобалистских экспансий общественных отношений, выработанных секулярным (обезбоженным) обществом новоевропейского Запада. Для исламистов, указывает французский исследователь Ольвье Руа, «путем к реисламизации общества является захват государственной власти...». Исламисты, строго говоря, в отличие от фундаменталистов выступают не за «возврат» к прошлому, а за подчинение себе путем политической борьбы современного общества и его технических средств [9, 10].

В мире насчитывается более 500 исламских террористических организаций. Из них, по мнению экспертов, самых значимых – от 7 до 15, в числе которых – наиболее известные «Исламское государство», «Аль-Каида» и движение «Талибан». Все они признаны террористическими в Российской Федерации.

Возникает вопрос: входит ли Россия в число целей исламистов?

Закономерность вопроса связана с тем, что наша страна имеет намного более широкие контакты в мусульманском мире, чем США и некоторые другие западные страны (включая признание легитимности пребывания у власти в Палестинской автономии организации ХАМАС, считающейся на Западе террористической). Россия выступала против введения американо-британских войск в Ирак, призывает отказаться от силового решения вопроса иранской ядерной программы. И тем не менее Россия уже давно в «черном списке». Хоть война в Чечне закончилась, борьба с ваххабитами, «джамаатами» и эмиссарами «Аль-Каиды» на Северном Кавказе не прекращается, и России не могут этого простить.

В начале 2000-х гг. Россия, используя свои связи с «Северным альянсом» в Афганистане, помогла США свергнуть там режим талибов. В силу всего этого россияне – практически такие же враги, как и американцы. Это подтверждается реальными и планируемыми терактами на российской территории, гибелью российских дипломатов в Ираке от рук террористов летом 2006 г.

Возникает второй вопрос: с какими террористами приходится воевать России? Например, Европол использует следующую классификацию террористов:

- религиозные (до 2011 г. звались просто «исламисты»);
- левые радикалы;
- правые радикалы;
- сепаратисты;
- одиночки;
- неопределенной принадлежности (те, у которых нет четких мотивов – в общем, психопаты) [12].

Как видно, данная классификация позволяет понять мотивы и цели действий террористов.

В новейшей истории России были и правые террористы, и одиночки, но основную часть составляют исламские террористы, представляющие как собственные организации, так и ячейки глобальных террористических сетей вроде ИГИЛ, «Исламского движения Туркестана» и «Аль-Каиды», которые одновременно являются и исламскими, и сепаратистскими. Кроме того, исламский терроризм в России, по мнению экспертов [2], условно имеет три аспекта или направления развития:

- северокавказский;
- поволжский;
- мигрантский.

Северокавказский – самый мощный и наиболее контролируемый очаг. В него входят республики Северного Кавказа, а также часть приграничной полосы в Закавказье. Наиболее сильные очаги остались в Дагестане. Выходцы с Северного Кавказа распространяют влияние исламистов по всему СНГ и за его пределами.

Также исламисты распространяют свое влияние на общины северокавказских народов в других регионах России, служащих центрами внутренней миграции (крупные города, нефтегазовые регионы, регионы добычи золота).

К числу террористических организаций данного направления, деятельность которых запрещена в РФ, относятся: Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, «Аль-Каида», «Аль-Харамейн», «Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи», «Имарат Кавказ» и др.

Для нашей страны особый интерес представляет вопрос деятельности террористических исламских организаций на Северном Кавказе. С середины 90-х гг. XX в. одним из направлений деятельности тогда еще живого бен Ладена становится участие в осуществлении идеи «прорыва» движения исламского фундаментализма в южные регионы России. Особо пристальное его внимание вызвали активные действия чеченских сепаратистов. Замысел, связанный с поддержкой этого движения, по всей видимости, предусматривал ускорение процесса создания на территории Чечни независимого исламского государства. Последнее должно было стать не только символом, но и полигоном институционального строительства независимых от Российской Федерации исламских республик Северного Кавказа. С провозглашением в 2007 г. Доку Умаровым «Имарат Кавказ» можно говорить об окончательном формировании на Северном Кавказе очередного крупного террористического кластера, ставшего частью иерархической сетевой структуры «исламского мира».

«Имарат Кавказ» – сетевая структура, возникшая под руководством Абдулхалима Садуллаева, предшественника Д. Умарова на посту «президента Ичкерии», на базе так называемо-

го Кавказского фронта и состоящая из множества местных «фронтов». Структура «Имарат Кавказ» внутренне копирует структуру аналогичных зарубежных исламских образований [4, 15, 20].

Деятельности северокавказских неоваххабитских бандгрупп присущи все основные черты современного исламского террористического движения. Причем, и это особенно важно, вчерашние «партизаны» из горной и лесной местности перебрались в города, привлекли в свои ряды молодежь без криминального прошлого, в том числе из числа учащихся средней и высшей школы, аспирантов и даже молодых ученых, создав своеобразную эффективную «городскую герилью».

Из сказанного можно заключить, что не только в идеологическом, но и в организационном отношении северокавказские террористы следуют в фарватере их более опытных коллег из других стран мусульманского Востока, и террористическая война на Северном Кавказе продолжается.

За пределами Северного Кавказа активность северокавказского террористического «филиала» снижена за счет ответственности за их поведение местных диаспор северокавказских народов.

Поволжский – распространен в Татарии (наиболее сильно), в Башкирии и в среде выходцев из Северного Кавказа, которые живут в Поволжье. Распространен среди религиозных слоев общества, преимущественно татар и башкир. Террористических актов гораздо меньше, чем на Северном Кавказе, но также происходит вербовка добровольцев для участия в войне в Сирии.

К числу террористических организаций данного направления, деятельность которых запрещена в РФ, относятся: «Аль-Ихван аль-Муслимун», «Хизбут-Тахрир аль-Ислами», «Джамаат-и-Ислами», «Исламское государство» и др. [5, 6, 14, 16].

Мигрантский – распространен в среде трудовых мигрантов из стран Средней Азии (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Он возник благодаря усилиям иностранных проповедников из стран Персидского залива и Саудовской Аравии, а также за счет миграции исламистов из Средней Азии.

Значимых террористических актов представители этого направления не организовывали, однако их отличает высокая криминальная активность.

К числу террористических организаций данного направления, деятельность которых запрещена в РФ, относятся: «Исламская партия Туркестана», «Союз исламского джихада», «Джамият Ихьяат-Тураз аль-Ислами», «Хизбут-Тахрир аль-Ислами», «Джундаш-Шам», «Джебхат ан-Нусра» и др. (например, узбекская организация «Акромия» и радикально настроенные представители Объединенной таджикской оппозиции) [5, 6, 14, 16].

Продолжая тему, следует отметить опасность грубой идеологизации различий ислама и исламизма. Прежде всего это проявляется как бытующее и на Западе, и в западноориентированной части российского общества расхожее представление об «исламской угрозе». В лучшем случае это соотносится с учением С. Хантингтона о «войне цивилизаций», а в худшем принимает вульгарные формы эмоционально программируемых выплесков. Главное – не оперировать этим ярлыком-термином ввиду его крайней неопределенности, а порой – не только бессознательного, но и намеренного смещения явлений разного общественно-политического и религиозно-догматического планов.

Вторая идеологическая опасность, по мнению бывшего председателя Исламского комитета России Гейдара Джемалая, автора работы «Ориентация – Север», состоит в навязывании различных утверждений, согласно которым спасение России (которая-де могла стать, но случайно не стала мусульманской страной) заключается в отказе от «православного империализма» и создании в союзе с исламом «новой идеологии» и «нового человека», воспитываемого в духе так называемого идеала религиозного социализма. «Будущее России, – продолжает тему Г. Джемаль, – предстоит в двух важнейших ракурсах. Во-первых, как союзник

ислама, во-вторых, как страна, преодолевшая свою историческую вражду к Германии..., продуктом такой духовно избранной новой геополитики станет будущая Евразия, включающая в себя Центральную и Восточную Европу. Союз новой Германии, обновленной России и мирового ислама достаточно хорош и убедительно просматривается...» [Идущий на Север не боится ночи: статья // Родина. 1998. № 1]. Эта смесь эклектики, антиисторизма и псевдонаучности, по мнению Джамала, доказывает, что у России еще есть шанс стать исламским государством, более того: «Для нее это единственный шанс избежать геополитического исчезновения».

Резюмируем: необходимо работать с различиями. Введя различие между исламом и исламизмом, далее следует различать фундаментализм и экстремизм в исламе.

Фундаментализм – это опыт обращения к духовным источникам первоначальной веры, необходимый для религиозного сознания всякий раз, когда меняются условия жизни и одна эпоха сменяет другую. Важно понимать, что, строго говоря, любая религия является по определению «фундаменталистской», так как неизменно отсылает верующего к первоисточнику вероучения. Иначе говоря, любое «нефундаменталистское» религиозное поведение ведет к утрате собственно религиозного содержания и в итоге вырождается либо в мертвый культ, либо в ширму для чисто реальных материальных и политических вожелений.

Так, пакистанские «ахль ал-хадис», в чьих медресе проходили обучение будущие бойцы афганских талибов, выступают как фундаменталисты. В XVIII в. фундаменталистом был автор «Китабат-таухид» («Книга единобожия») Муххамад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1794), призывавший основываться исключительно на «Книге Аллаха» и «достоверных хадисах» (авторитетно зафиксированных примерах из жизни Мухаммада). Аль-Ваххаб – автор религиозного учения «ваххабизм», идеологической основы современного экстремизма и терроризма [7, 9, 10].

«Фундаменталистом» был и пророк Мухаммад, считавший себя не основателем новой религии, а человеком, по вдохновению божию возвращающим людей к вере предков – вере Авраама.

Резюмируем: фундаменталистская проблематика, т. е. появление ведомого Богом праведника, обновителя веры, стремящегося восстановить ее в первоначальной чистоте, является для религиозного мировосприятия устойчиво традиционным: в религии она имеет тот же возраст, что и сама религия.

Следующий вопрос: где граница трансформации фундаментализма как проблемы религиозного сознания в политический экстремизм?

На этот вопрос единого ответа нет и быть не может. Но есть направление, на котором правильно поставленные вопросы могут дать правильные теоретические и практические ответы. Речь идет о ревизии, которой в некоторых принципиальных отношениях подверглось в XX в. творчество ряда исламских идеологов-радикалов – суннитское догматико-правовое учение [9, 14, 19, 21, 22]. Прежде всего ревизия связана с именем египтянина Сайида Кутба, учившегося на арабских переводах с урду сочинений Абу Аля Маудуди: «Джихад в исламе», «Ислам и джахилийя», «Принципы исламского государства».

Считается, что Кутб обратился к фундаменталистскому взгляду на религиозные предметы в результате двухлетнего пребывания в США в начале «холодной войны» (1948–1950). Он радикально ревизовал, как и Маудуди, понятие джахилийи, или канувшей в прошлое эпохи доисламского невежества и варварства, перенеся характеристики джахилийи с прошлого на настоящее. «Весь современный мир погряз в джахилийи,... – писал он. – Джахилийя наделяет человека одним из величайших атрибутов Аллаха – суверенитетом – и тем самым превращает одних людей в рабов других». Эта концепция была призвана «санкционировать отказ мусульман от просветительно-воспитательных усилий с целью завоевания общества шаг за шагом в пользу захвата власти как единственного ответа на угрозу всемирной «современной джахилийи».

Сайид Кутб радикально пересмотрел понятие джихада, переведя его из плана личного духовного усилия верующего на пути познания Аллаха в план вооруженной борьбы с неверными, особенно с инакомыслящими мусульманами. «Отступник должен быть убит, даже если он не в состоянии сражаться, тогда как неверный в подобном случае смерти не заслуживает», – писал в 1981 г. один из египетских последователей Кутба.

В трудах Кутба прослеживается эволюция понятия джихада со времен пророка Мухаммада [3, 7, 9]. Суры Корана, касающиеся вопросов джихада и зачастую противоречащие друг другу, он выстраивает в хронологическую цепочку в соответствии с порядком их «ниспослания». В итоге у него получается схема, согласно которой в развитии этого понятия было четыре стадии. В мекканский период жизни Мухаммада Аллах удерживал мусульман от вооруженных действий; после хиджры они стали для них дозволенными; на третьей стадии сражаться против тех, кто отвергает ислам, было уже обязанностью верующих; наконец, на четвертой джихад против неверных, независимо от того, выступают они против ислама или нет, стал долгом мусульман. Исходя из своей схемы, С. Кутб делает вывод, что первые три стадии были подготовительными, на четвертой же концепция священной войны получила законченную форму, которой и надлежит руководствоваться «истинным» мусульманам в наше время.

С. Кутб выделяет три характерные черты джихада: во-первых, он не ограничен рамками какой-либо эпохи или исторического периода («Джихад есть не временная стадия, а вечное состояние...»), «Джихад продолжается до дня Страшного суда...»); во-вторых, он не знает национальных границ, географических барьеров, расовых ограничений («Ислам не есть наследие какой-либо одной расы или страны. Это религия Аллаха, и она предназначена для всего мира»); в-третьих, джихад – война не оборонительная, а наступательная. Ислам обязан атаковать джахилию независимо от того, угрожает она ему или нет.

Таким образом, из всех возможных трактовок джихада С. Кутб выбирает самую радикальную и последовательно развивает ее. Вооруженная борьба должна начаться вскоре после образования сообщества «истинных» мусульман и продолжаться до полной и окончательной победы ислама во всем мире: она не знает каких-либо границ и отрицает в принципе возможность мирного сосуществования с неисламским обществом.

С. Кутб не исключает и метод убеждения как составляющую джихада. Первым шагом в борьбе за обращение людей в ислам должны стать пропаганда формулы «Нет бога, кроме аллаха...» и внедрение ее в сознание. Это основной момент, из которого все вытекает и с которого все должно начинаться. В доказательство он ссылается на то, что суры мекканского периода (т. е. хронологически первые суры Корана) акцентируют именно веру, ее ключевые моменты. Принятие законов, детализация отдельных положений происходят позже, в мекканский период, когда вокруг Мухаммада уже образовался прочный костяк. После того как люди усвоят формулу «Нет бога, кроме аллаха...», повиновение исламским законам и следование исламскому образу жизни придут автоматически, без особых усилий, ибо верующему легко выполнять религиозные предписания. «Совершенно необходимо, чтобы сердца людей были открыты исключительно одному Аллаху, чтобы они принимали его законы с полным смирением и отвергали все иные законы с самого начала, даже до того, как им станут известны детали (исламской системы)».

Наконец, Сайид Кутб утвердил чуждое правоверному суннитскому исламу право на вооруженное восстание против существующего в современных ему мусульманских странах строя и в резком разрыве с мусульманской традицией узаконил «фитна» (бунт, смуту).

Аналогичных взглядов придерживался «террорист № 1» 70-х гг. XX в. Абу Нидаль, который призывал «совершенствоваться в искусстве убивать неверных» и утверждал, что среди них не может быть тех, «кто испытывал бы добрые чувства к мусульманам» [22]. Как и С. Кутб, А. Нидаль полностью исключал возможность диалога цивилизаций и настаивал именно на силовых методах разрешения международных проблем. Он считал, что каждый

мусульманин, способный держать в руках оружие, должен участвовать в войне. «Если же человек не может вести джихад физически и уничтожать неверных на поле боя, он должен вести борьбу своими средствами, пером и языком». Ссылаясь на Коран и Хадисы, А. Нидаль предлагал целую систему мер, которые могут помочь мусульманину в его борьбе с «неверными». Итак, в отношениях с «неверными» мусульманину не следует уподобляться им в одежде и языке, посещать страны «неверных» и проживать в них (если только он не ведет тайную борьбу), оказывать им помощь или доверие (например, назначать на важные посты), использовать их календарь, чтить их обычаи, восхвалять достижения их культуры и цивилизации.

Некоторые современные концепции джихада представляют собой, в сущности, лишь теологическое оформление националистических концепций (защита арабской родины и т. п.). «Самопожертвование солдата, продиктованное чувством патриотизма, может рассматриваться подчас как лучшее свидетельство искренности веры, чем самоотверженность моджахеда, который отдает свою жизнь за вознаграждение в будущей жизни», – считал лидер Ливийской Джамахирии М. Каддафи [7, 21].

Построение сильного, экономически и политически независимого государства – именно эта цель лежит в основе ряда фундаменталистских концепций. «Лучше трудная, но достойная жизнь, чем рабство в позолоченной клетке», – утверждал аятолла Хомейни. По словам экс-президента Туниса Хабиба Бургибы, «на данном этапе развития джихад – это достижение такого экономического и военного потенциала, который мог бы противостоять любой иностранной экспансии». Под джихадом могут пониматься также кампания по ликвидации неграмотности или осуществление программы экономического развития. Лидер Палестинской национальной автономии Ясир Арафат заявлял, что любовь к своей родине есть признак Веры. Только тот, кто стремится к созданию Палестинского государства, является настоящим мусульманином [7, 21]. Доктрина джихада может братья на вооружение и патриотическими силами. Об этом свидетельствует, например, участие шиитского движения «Амаль» и ряда других шиитских организаций в Ливане в борьбе против израильской оккупации и иностранной интервенции под эгидой «международных сил».

Учитывая стремление народов стран традиционного распространения ислама к миру, сторонники ортодоксального (традиционалистского) ислама и умеренного фундаментализма настоятельно подчеркивают, что разработка военных вопросов в исламе преследует исключительно оборонительные меры. Международные исламские организации в своих резолюциях значительное место уделяют вопросам мирного разрешения межгосударственных конфликтов, обеспечения международного мира и безопасности.

«Джихад, – подчеркивает верховный кади Иордании Абдаллах Гауша, – это война с благородными побуждениями и намерениями. Она может вестись лишь на пути Аллаха с целью защиты религиозных святых и родины. Что касается обычной войны, то она чаще всего ведется ради притеснения и агрессии... ради удовлетворения алчных и низменных appetitov» [11].

Подход к джихаду как к оборонительной войне против империализма и иностранной (в частности, израильской) агрессии лежит в основе так называемой исламской военной доктрины. По мнению исламских ортодоксальных богословов, основы исламской военной доктрины были созданы пророком Мухаммадом во исполнение воли Аллаха. «Аллах хотел, чтобы исламская умма стала сильной и мощной, – пишет шейх Мухаммад Махфуз. – Он предписал ей джихад, приказал осуществлять подготовку сил для устрашения врагов и определил основные принципы организации военного дела для защиты религии и отпора агрессии». Разработка военной доктрины ислама носит в основном теоретический характер.

В то же время стремление определенных мусульманских кругов, прежде всего нефтедобывающих стран, претворить ее в жизнь – очевидно. Разработка доктрины отражает и общее стремление мусульманских государств укрепить свои позиции на мировой арене и использовать ислам для урегулирования все чаще возникающих конфликтов между мусуль-

манскими странами. Противоречивый характер самой доктрины отражает диалектическое взаимодействие двух тенденций политики стран мусульманского мира: с одной стороны – консолидироваться и обособиться, с тем чтобы проводить политику балансирования между «великими державами», а с другой – вписаться в мировое сообщество на условиях, наиболее выгодных для правящей элиты мусульманских стран.

Либеральный (модернистский) ислам исключает военные аспекты из понятия джихада, выдвигая в качестве его главной цели укрепление национальной независимости путем осуществления программ социально-экономического развития. Поэтому и джихад («приложение усилий на пути Аллаха») сводится к реализации вполне конкретных социально-экономических и политических задач: борьбе за урожай, за повышение производительности и качества труда; борьбе с эрозией почв; ликвидации неграмотности; повышению образовательного и культурного уровня священнослужителей и т.д. Пропаганда ислама предполагает только мирные методы: словом, делом, мудростью, всеми современными средствами воздействия и массовой информации. В принципе, фундаменталистский и традиционалистский ислам не отрицает важности социально-экономических аспектов джихада. «До тех пор пока вы обращаетесь к другим за помощью в развитии передовой индустрии, вы до конца жизни будете жить, прося подаяния, а ваши предприимчивость, инициатива и творческие способности не получают своего развития, – писал аятолла Хомейни. – Занимайтесь созидательной деятельностью на полях, в деревнях и на заводах, ибо в этом заключается главное служение Аллаху» [15].

Однако различие в подходах к экономическим аспектам джихада между фундаменталистским, традиционалистским и модернистским исламом заключается в том, что идеологи возрожденческого и ортодоксального ислама отводят экономике второстепенную роль по сравнению с военным фактором и исключают возможность сотрудничества со странами дар-аль-харб («земли войны»). «Правительство и армия должны стремиться посылать надежных студентов в те страны, которые имеют крупную передовую промышленность, но не являются ни эксплуататорами, ни колонизаторами, – наставлял аятолла Хомейни. – Избегайте посылать студентов в США и СССР, а также в другие страны, идущие в фарватере их политики» [15].

Ярким примером страны, взявшей на вооружение принципы либерального (модернистского) ислама, является Иран, где с приходом к власти М. Хатами (1997) и по настоящее время успешно реализуются на практике две предложенные им идеологические концепции – «исламского гражданского общества» и «диалога цивилизаций».

В среде мусульманских богословов, идеологов и политических деятелей так называемого секуляристского толка идея джихада понимается исключительно как нравственное и духовное совершенствование человека – Великий Джихад. Секуляристы утверждают, что ислам – это религиозно-мировоззренческая система, которая, как и любое другое духовное учение, не должна развиваться с оглядкой на политику и экономику – факторы, подчиняющиеся действию определенных объективных законов и субъективных, в частности материальных, интересов. «Исламский мир не считает себя мировой державой, которая стремится использовать свою силу для географической экспансии или для навязывания своей системы другим народам. Именно это мы пытаемся подчеркнуть и надеемся, что нам удастся доказать, что джихад не означает священную войну. Джихад – это призыв к борьбе с самим собой, чтобы лучше владеть собой, контролировать себя во имя блага, а не во имя зла», – таково мнение принца Саудовской Аравии Сауда аль-Фейсала, правившего страной до 2015 г. [7].

Воспитание нравственности, соответственно, исключает методы насилия. «Господство над умами и сердцами нуждается в других, чем меч, средствах», – считает декан факультета шариата университета «Аль-Азхар» шейх Абдель Басита. Теологам секуляристского толка принадлежит большая роль в деле развенчания бытующего на Западе мифа об изначальной агрессивности ислама. «Ислам для нас больше, чем объективный социологический

параметр, больше, чем абстрактная культурная ценность, — пишет бывший генеральный секретарь организации «Исламская конференция» М. Шатти. — Это способ существования, способ быть, бороться и надеяться».

В заключение обзора идеологических истоков мусульманского экстремизма и терроризма следует подчеркнуть, что линии «водораздела» мусульманского мира больше относятся к сфере политики, чем религии. Так, «ла илахаилля-ллах» («нет божества, кроме аллаха») — это формула зикра как главного элемента ритуальной духовной практики суфийских братств, но это одновременно и формула таухида, утверждаемого последователями аль-Ваххаба, воюющими против ислама суфиев и суфийских орденов [9]. Это же обстоятельство — предпосылка для диалога различных вероучений в исламе, достижения общемусульманского межконфессионального мира и доказательство того, что разделение между борющимися силами проходит не по линии «ислам — враги ислама», а по направлениям схватки крупных материально-экономических интересов, находящихся вне пределов мусульманской веры как таковой, во-первых, а во-вторых — по линии столкновения традиционных форм бытования ислама в тех или иных регионах (например, на Северном Кавказе) с формами инокультурными и иностранными, стремящимися к экспорту «своего» ислама. Этот двойной «водораздел» в случае его искусственного углубления легко становится инструментом межнационального конфликта в условиях аграрного перенаселения и ограниченности земельно-водных ресурсов.

Одновременно в подавляющем большинстве мусульманских стран у приверженцев «чистого» ислама все больше доминирует экстремистская по политической форме и сектантская (лженаучная) по религиозной сути реакция на агрессивное безверие новейшей западной цивилизации, которая, являясь исторически ограниченной разновидностью человеческого общежития, пытается навязать себя в качестве универсально значимой.

Вывод: любые попытки привить ценности обезбоженного мироустройства обществу, сохраняющему религиозные чувства, порождают мощную реакцию отторжения с чередующимися волнами террора и контртеррора, а в пределе — с угрозой распада данного сообщества и данного государства.

Можно утверждать, что нередко за провозглашаемыми лозунгами вооруженного джихада стоят определенные политические силы или экономические организации. В связи с этим наиболее показателен феномен ваххабизма.

Термин «ваххабизм» может пониматься в двух значениях:

1) собственно ваххабизм — учение Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба и его аравийских последователей (аравийский ваххабизм);

2) собирательный термин, обозначающий все течения нового и новейшего времени, укладывающиеся в определение возрожденческого направления в исламе, включая и те, которые в большей или меньшей степени связаны с аравийским ваххабизмом (неоваххабизм).

Основными положениями ваххабизма XVIII в. являлись: очищение ислама от нововведений и возврат к первоначальному исламу времен пророка Мухаммада; отказ от культа святых, поскольку только аллах достоин поклонения; строгое соблюдение морально-этических норм ислама, осуждающих стяжательство, роскошь, блуд, пьянство и т. д.; проповедь мусульманского единства, братства, социальной гармонии; пропаганда джихада против язычников, к которым относились и мусульмане, отошедшие от принципов «чистого», первоначального ислама. Ваххабитам XVIII в. были присущи фанатизм и экстремизм в борьбе со своими противниками во имя установления власти, которая должна руководствоваться исламскими законами, ибо иное правительство не имеет права на существование, поскольку политика и ислам не могут существовать раздельно. Джихад в идеологии ваххабитов занимает особое системообразующее положение. Во-первых, он трактуется прежде всего как вооруженная борьба; во-вторых, ведение джихада вменяется в обязанность каждому мусуль-

манину (естественно, физически и умственно способному к этому); в-третьих, объект джихада – кафиры («неверные») [15].

Исторически ваххабизм стал идейным столпом Саудовского государства: до начала XX в. он играл роль объединяющей идеологии в процессе сплочения аравийских племен. Однако в 1929 г. началось принципиальное размежевание монархии с экстремистским духовенством. И хотя ваххабизм является господствующей в Саудовской Аравии идеологией, главные положения раннего ваххабизма отвергнуты нынешними саудовскими властями, которые официально осуждают экстремизм и взаимную нетерпимость между мусульманами и представителями других религий. Сейчас религиозная среда Саудовского королевства чрезвычайно дифференцирована, а его граждане называют себя не ваххабитами, а салафийун – последователями веры праведных предков.

Современный ваххабизм, так называемый неоваххабизм, в мусульманских регионах СНГ представлен весьма разнородными организациями и общинами, связанными с аравийским ваххабизмом лишь общим пониманием «оздоровления» мусульманского общества путем обращения к установке раннего ислама. Применение к ним терминов «ваххабиты» или «неоваххабиты» крайне условно и указывает лишь на их общую принадлежность (вместе с аравийскими ваххабитами) к возрожденческому (фундаменталистскому) течению в исламе, но не на идейную близость к ваххабизму Мухаммада бен Абд аль-Ваххаба. Соответственно, и провозглашаемые ими лозунги джихада («священной войны») – это, скорее, одно из средств реализации неких экономических и геополитических интересов, зачастую не связанных с истинными религиозными устремлениями.

В целом, характеризуя исламский терроризм, главным источником распространения которого являются исламские общественно-религиозные организации Саудовской Аравии, Судана, Ирана, Пакистана, Афганистана, Ливана, палестинского сектора Газа, уместно использовать определение «самый» и «больше всех». Действительно, в последние 30 лет исламские террористы являются самыми фанатичными и самыми активными. Они больше всех захватили заложников, больше всех убили людей, больше всех взорвали бомб. Им больше, чем каким-либо другим террористам, удастся влиять на международную политику.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Главное – в современном мире в борьбе с терроризмом и экстремизмом приоритет должен быть отдан теории перед практикой. Иначе говоря, изучение тактики и стратегии военных действий, опыта сражений – обязательная часть программы антитеррористической борьбы, обучения личного состава подразделений антитеррора. Но главное – в другом: в идеологии, информации, технологиях их применения. Именно они могут взять в плен неограниченное число воинов в минимальные сроки и без единого выстрела.

Важно помнить, что любая идеология, любая теоретическая конструкция является незаконченной. Это несовершенство уже есть угроза, и поэтому теории антитеррора должны быть идеально продуманы и выстроены, не иметь «черных дыр», противоречий, дающих возможность иного толкования и ревизии.

Приведем пример. В частности, ваххабизм наряду с другими постулатами веры проповедует мусульманское единство, братство, социальную гармонию и взаимопомощь. Эти общечеловеческие ценности активно применяются вербовщиками террора на постсоветском пространстве. Поясним на примере Северо-Кавказского региона: кланово-родовой принцип жителя на Кавказе допускает создание семьи только между своими, «разрешенными». Принявшие же ваххабизм становятся равными между собой и могут заключать до этого «запрещенные» браки. Кроме того, ваххабит обязан оказать помощь своему единоверцу в случае обращения, иначе будет подвергнут осуждению. Помощь может выражаться в материальной поддержке, обеспечении кадрами, носить характер укрывательства от правосудия.

Что это, как не «черная дыра» теории, которую необходимо знать сотрудникам антитеррористических структур? А «оппоненты» последних прекрасно знают об этом и применяют

на практике в притягательных образах, знаках и символах. Примером важности знаков и символов в антитеррористической деятельности может служить принятый в январе 2013 г. решением высшего руководства Исламского центра Таджикистана запрет мусульманам страны носить бороды, превышающие размер их кулака. Данная фетва, пояснили в руководстве Центра, является превентивной мерой по пресечению распространения в Таджикистане «ветра фундаменталистских и ваххабистских идей» из арабских стран. Кроме того, по мнению президента Э. Рахмона и ряда таджикских политиков, ношение длинной бороды, хиджабов и никабов женщинами свидетельствует о принадлежности к салафитскому и фундаменталистскому течениям, противоречащим умеренному ханафитскому мазхабу, и о «чуждом влиянии на внутренний и внешний облик своих единоверцев» [2].

2. В отношении Российской Федерации. На ее территории существуют три направления и региона развития исламистского терроризма. Актуальным остается Северный Кавказ при замалчивании темы **Поволжья (Башкирии и Татарстана) из-за мощного местного лобби на федеральном уровне** мигрантской темы – из-за ложно понимаемой толерантности и межнационального согласия, а также для сохранения коррупционных доходов.

3. Органы власти, силового блока и населения России – основные цели террористов по причине высокой медийности и политического эффекта теракта.

4. Применительно к сегодняшней российской действительности следует ожидать роста действий террористической направленности в РФ со стороны радикальных исламистов по следующим причинам. Во-первых, действия ВКС России в Сирии по уничтожению ИГИЛ и «ан-Нусры» инициируют возвращение части присоединившихся к исламистам боевиков – как граждан РФ, так и граждан стран СНГ – в Россию и то, что намеревающиеся поехать в Сирию останутся в России для проведения терактов в Москве, Санкт-Петербурге и других городах. Во-вторых, ситуация вокруг Украины активизирует рынок незаконного оборота оружия и взрывчатки. В-третьих, гражданская война религиозного окраса в Афганистане продолжает дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии и пополнять ряды исламских боевиков.

5. Последнее, на что хотелось бы обратить внимание. Развитое демократическое общество минимизирует государственный и антигосударственный террор. Но любая открытая борьба с антигосударственным террором (даже «международным») почти всегда ведет к тоталитаризации общества и усилению госконтроля над его гражданами, что неизбежно рассматривается как предтеча возможного государственного насилия над индивидами. И здесь кроется очередная потенциальная угроза: в соответствии с законом Эшби одно разнообразие можно победить только большим разнообразием. Если государство самостоятельно не создает символы и смыслы, о значимости которых говорилось выше, возникает угроза того, что этим займутся внешние субъекты в собственных интересах. И субъекты, обладающие высокой степенью разнообразия, будут способны конкурировать в онлайн-пространстве с традиционными институтами власти, подрывая их влияние и наполняя Интернет собственными символами, смыслами и симулякрами.

Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания 2022 г. № 075-01615-22-02.

Список литературы

1. Коммерсантъ-Daily. 03.09.1998.
2. Alex Zarubin. Террористическое подполье в России. URL: <https://posredi.ru/terroristicheskoe-podpole-v-rossii.html> (дата обращения: 11.04.2022).
3. Авдеев Ю.И. О развитии концептуальных основ борьбы с терроризмом // Антитеррор. Комплексный подход / под общ. ред. Б.А. Мыльникова. М., 2006.
4. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.

5. Биккулов Ш. Ислам в США, Австралии и Новой Зеландии; Васильев Л. Особенности борьбы с терроризмом в Центральной Азии в современных условиях // Россия и мусульманский мир. 30.09.2011. № 009.
6. Васильев Л. Особенности борьбы с терроризмом в Центральной Азии в современных условиях // Россия и мусульманский мир. 29.02.2012. № 002.
7. Валиахметова Г. Современные трактовки джихада // Россия и мусульманский мир. 31.12.2010. № 012.
8. Галицкий В.П. Радикализация ислама на Юге России // Обозреватель-Observer. 2009. № 8.
9. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М.: Международные отношения, 2003.
10. Загладин Н.В., Путилин Б.Г. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействия. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2008.
11. Карпенко В.И. Психологическая операция «ТЕРРОР». М.: Наука, 2007.
12. Ляхов Е.Г., Попов А.В. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль. Ростов н/Д, 1999.
13. Мат-лы II Всероссийской науч.-практ. конф. по проблеме повышения эффективности противодействия экстремизму и терроризму, формированию антитеррористической идеологии в нашем государстве (13–14.10.2010). М.: МГУ им. М. Ломоносова.
14. Рахимов Р. Своеобразие ислама в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 31.01.2011. № 001.
15. Современный терроризм – угроза человечеству: актуальные проблемы противодействия (борьбы) на глобальном, региональном и национальном уровнях. М.: Академия ГШ ВС РФ, 2006.
16. Федулова Н. Конфликтотенная зона Каспийского региона: угроза России // Россия и мусульманский мир. 28.02.2011. № 002.
17. Фоменков С. О деятельности организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба // Зарубежное военное обозрение. 31.01.2011. № 001.
18. Эмиров Р. Причины популярности политического ислама на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 30.09.2011. № 009.
19. Этнорелигиозный терроризм / под ред. Антоняна Ю.М. М.: Аспект Пресс, 2006.
20. Alex Zarubin. Террористическое подполье в России // Посреди России. 20.10.2017. URL: <https://posredi.ru> (дата обращения: 11.04.2022).
21. Абу Хунейя Хасан, Абу Румман Мухаммад. Организация «Исламское государство»: суннитский кризис и борьба с глобальным джихадом. Амман: Фонд имени Фридриха Эберта, 2015.
22. Исламистский терроризм – Мировая политика. URL: <https://studme.org> (дата обращения: 11.04.2022).

References

1. *Kommersant*"-Daily. 03.09.1998 [Kommersant-Daily. 03.09.1998].
2. Zarubin A. *Terroristicheskoe podpol'e v Rossii* [The terrorist underground in Russia]. Available at: <https://posredi.ru/terroristicheskoe-podpole-v-rossii.html> (date of access: 11.04.2022).
3. Avdeev Yu.I. (2006) *O razvitií kontseptual'nykh osnov bor'by s terrorizmom* [About the development of the conceptual foundations of the fight against terrorism] *Antiterror. Kompleksnyy podkhod. Pod obshch. red. B.A. Myl'nikova* [Antiterror. An integrated approach. General editorship of B.A. Mylnikov]. Moscow.
4. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. (2007) *Religiozno-politicheskiy ekstremizm i etnokonfessional'naya tolerantnost' na Severnom Kavkaze* [Religious and political extremism and ethno-confessional tolerance in the North Caucasus] *Nauka* [Nauka]. Moscow.
5. Bikkulov Sh. (2011) *Islam v SShA, Avstralii i Novoy Zelandii. Vasil'ev L. Osobennosti bor'by s terrorizmom v Tsentral'noy Azii v sovremennykh usloviyakh* [Islam in the USA, Australia and New Zealand. Vasiliev L. Features of the fight against terrorism in Central Asia in modern conditions] *Rossiia i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 30.09.2011. No. 009.

6. Vasiliev L. (2012) *Osobennosti bor'by s terrorizmom v Tsentral'noy Azii v sovremennykh usloviyakh* [Features of the fight against terrorism in Central Asia in modern conditions] *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 29.02.2012. No. 002.
7. Valiakhmetova G. (2010) *Sovremennyye traktovki dzhikhada* [Modern interpretations of jihad] *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 31.12.2010. No. 012.
8. Galitsky V.P. (2009) *Radikalizatsiya islama na Yuge Rossii* [Radicalization of Islam in the South of Russia] *Obozrevatel'-Observer* [Obozrevatel-Observer]. No. 8.
9. Zhdanov N.V. (2003) *Islamskaya kontsepsiya miroporyadka* [Islamic concept of the world order] *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International Relations]. Moscow.
10. Zagladin N.V., Putilin B.G. (2008) *Mezhdunarodnyy terrorizm: istoki, problemy, protivodeystviya* [International terrorism: origins, problems, counteractions] 2-e izd. OOO «TID «Russkoe slovo – PC» [2nd ed. LLC «TID «Russian word – PC»]. Moscow.
11. Karpenko V.I. (2007) *Psikhologicheskaya operatsiya «TERROR»* [Psychological operation «TERROR»] *Nauka* [Nauka]. Moscow.
12. Lyakhov E.G., Popov A.V. (1999) *Terrorizm: natsional'nyy, regional'nyy i mezhdunarodnyy kontrol'* [Terrorism: national, regional and international control]. Rostov n/A.
13. *Mat-ly II Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. po probleme povysheniya effektivnosti protivodeystviya ekstremizmu i terrorizmu, formirovaniyu antiterroristicheskoy ideologii v nashem gosudarstve (13–14.10.2010)* [Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference on the problem of increasing the effectiveness of countering extremism and terrorism, the formation of anti-terrorist ideology in our state (13–14.10.2010)] *MGU im. M. Lomonosova* [Lomonosov Moscow State University]. Moscow.
14. Rakhimov R. (2011) *Svoeobrazie islama v Tsentral'noy Azii* [The uniqueness of Islam in Central Asia] *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 31.01.2011. No. 001.
15. (2006) *Sovremennyy terrorizm – ugroza chelovechestvu: aktual'nye problemy protivodeystviya (bor'by) na global'nom, regional'nom i natsional'nom urovnyakh* [Modern terrorism is a threat to humanity: actual problems of counteraction (struggle) at the global, regional and national levels] *Akademiya GSh VS RF* [Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation]. Moscow.
16. Fedulova N. (2011) *Konfliktogennaya zona Kaspiyskogo regiona: ugroza Rossii* [The conflict zone of the Caspian region: the threat to Russia] *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 02.28.2011. No. 002.
17. Fomenkov S. (2011) *O deyatelnosti organizatsii «Al'-Kaida v stranakh islamskogo Magriba* [About the activities of the organization «Al-Qaeda in the countries of the Islamic Maghreb»] *Zarubezhnoe voennoe obozrenie* [Foreign Military Review]. 31.01.2011. No. 001.
18. Emirov R. (2011) *Prichiny populyarnosti politicheskogo islama na Severnom Kavkaze* [Reasons for the popularity of political Islam in the North Caucasus] *Rossiya i musul'manskiy mir* [Russia and the Muslim world]. 30.09.2011. No. 009.
19. (2006) *Etnoreligioznyy terrorizm. Pod red. Antonyana Yu.M.* [Ethno-religious terrorism. Ed. Antonyana Y.M.] *Aspekt Press* [Aspect Press]. Moscow.
20. Zarubin A. (2017) *Terroristicheskoe podpol'e v Rossii* [The terrorist underground in Russia] *Posredi Rossii* [In the middle of Russia]. 20.10.2017. Available at: <https://posredi.ru> (date of access: 11.04.2022).
21. Hassan A.H., Muhammad A.R. (2015) *Organizatsiya «Islamskoe gosudarstvo»: sunnitskiy krizis i bor'ba s global'nym dzhikhadom* [The Islamic State Organization: the Sunni crisis and the fight against global jihad] *Amman: Fond imeni Fridrikha Eberta* [Amman: Friedrich Ebert Foundation].
22. *Islamistskiy terrorizm – Mirovaya politika* [Islamist Terrorism – World Politics]. Available at: <https://studme.org> (date of access: 11.04.2022).